Acta Baltico-Slavica

Acta Baltico-Slavica, 49
Warszawa 2025

Article No. 3459
DOI: 10.11649/abs.3459
Citation: Билотас, В. (2025). Коллективный портрет сибирских католиков начала XIX века на основе данных метрических книг Иркутской миссии иезуитов. *Acta Baltico-Slavica*, *49*, Article 3459. https://doi.org/10.11649/abs.3459

Bilotas, V. (2025). Kollektivnyĭ portret sibirskikh katolikov nachala XIX veka na osnove dannykh metricheskikh knig Irkutskoĭ missii iezuitov. *Acta Baltico-Slavica*, *49*, Article 3459. https://doi.org/10.11649/abs.3459

Виктор Билотас
Университет Витаутаса Великого
Каунас
viktor.bilotas@vdu.lt
https://orcid.org/0000-0002-6875-498X

Коллективный портрет сибирских католиков начала XIX века на основе данных метрических книг Иркутской миссии иезуитов

1. Введение

История Католической Церкви на территории Сибири началась не в XIX веке, как часто утверждается в российской историографии, а гораздо раньше. В начале XX века священники Матвей Вейт и Иустин Пранайтис в своих церковно-исторических записках о Северной Азии начинали повествование с периода раннего христианства, когда Церковь была только одна – вселенская (католическая), и присутствие в регионе любого христианского миссионера или общины, не прервавших общения с преемниками апостола Петра, для католиков является страницей истории Католической Церкви. После периода церковных расколов на юге Сибири католичество снова распространялось усилиями францисканцев и доминиканцев в XIII–XIV веках. Однако к середине XIV века в среде местных степных племен возобладал ислам, и католики теперь встречались лишь среди

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2025.
Publisher: Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences
[Wydawca: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk]

заезжих или пленных иноземцев (ср. Пранайтис, 2019; цит. по: Bilotas, 2019, сс. 52–53; Veitas, 2004, сс. 102–103).

Положение изменилось при появлении в XVI веке католических миссий в Китае и при постепенном присоединении территорий Сибири к России в XVI–XIX веках. В российскую Азию, кроме военнопленных католиков, служивших в отрядах колонизаторов, начали прибывать переселенцы, специалисты, служащие и ссыльные, в том числе из духовного сословия. Большое количество невольников высылалось за Урал во время войн и восстаний в Речи Посполитой, особенно вследствие событий 1768–1772, 1794, 1812–1815, 1830–1831, 1863–1864 годов[1]. Значительная часть этих ссыльных и военнопленных исповедовала католичество и просило о соответствующем духовном пастырском окормлении, которое на регулярной основе началось весной 1812 года, с приездом в Иркутск миссионеров Общества Иисуса.

Историография. Об этой миссии, продолжавшейся до изгнания иезуитов в 1820 году, упоминали многие авторы, писавшие об истории Католической Церкви в Сибири[2], и исследователи истории Общества Иисуса в Российской империи, в первую очередь – эксперт по теме польский иезуит Марек Инглот (Inglot, 1997). Сибирская миссия 1812–1820 гг. интересовала также православных авторов Михаила Морошкина (Морошкин, 1867) и Дмитрия Толстого (Толстой, 1876), стоявших на полемических антииезуитских позициях, но они были сосредоточены на случаях прозелитизма, занижали численность инославной паствы, их информация о сибирской католической миссии минимальна, поверхностна и тенденциозна.

Непосредственно сибирскую миссию иезуитов, как объект своих исследований, изучали в российских архивах Анна Пэк[3] (Peck, 2001; Zamek-Gliszczyńska, 1991) и Владислав Масяж (Masiarz, 1996, 2002). Их научные публикации остаются наиболее актуальными. В 2012 году, когда в сибирских епархиях вспоминали 200-летие начала иезуитской миссии в регионе, немецким иезуитом Штефаном Липке[4] была прочитана лекция (Липке, 2012), являвшаяся своего рода синтезом имевшихся на тот момент историографических данных по теме. В 200-летие Томской миссии, в 2015 году, очерк о деятельности Общества Иисуса в Сибири

[1] Теме ссылки с территорий Речи Посполитой посвящено множество исследований, подробно описанных в статье польского историка Веслава Цабана (Caban, 2014). В этом же специальном выпуске журнала „Przegląd Historyczny" опубликовано и несколько статей о военнопленных в Сибири.

[2] Ограниченный в доступе к источникам М. Вейт писал только об одном иезуите – Т. Машевском, считая его сосланным в Иркутск (Veitas, 2004, с. 104), И. Пранайтис же описывал подробно истоки миссии, цитировал письмо генерала Ордена, перечислял всех иркутских миссионеров (Пранайтис, 2019; цит. по: Bilotas, 2019, сс. 53–54).

[3] Anna Ewa Peck (ранее публиковалась как Anna Zamek-Gliszczyńska).

[4] С 2025 года – вспомогательный епископ Преображенской епархии в Новосибирске.

опубликовал и Василий Ханевич (2015, сс. 65–77). В той же книге он поместил связанные с темой материалы о военнопленных из армии Наполеона, прибывших в Западную Сибирь в 1812–1814 годах (Ханевич, 2015, сс. 78–90).

Вышеупомянутая польская исследовательница Анна Пэк миссию иезуитов в Сибири в 1812–1820 гг. назвала «малоизвестным, но интересным эпизодом». Действительно, на фоне многочисленных миссий и начинаний Общества Иисуса в Российской империи начала XIX века сибирский проект выглядит периферийным, краткосрочным, охватывающим малое число людей, однако он впечатляет территориальным размахом, особенными условиями пастырства, уникальностью паствы. В своих изысканиях А. Пэк, как и другие исследователи, была сосредоточена на вопросах организации миссии, на миссионерах, их действиях, их отношениях с церковными и светскими властями. Прихожане же этой миссии оставались на втором плане – в историографии представлена лишь общая информация о них: статистика, несколько имен в качестве иллюстрации, утверждения о численном превосходстве в приходе ссыльных и военных. Ограниченность и поверхностность знаний о мирянах Иркутской миссии является *проблемой*, которую мы попытаемся разрешить в данном исследовании с помощью нескольких неопубликованных и опубликованных источников.

Источники для исследования. Основной источник, как явствует уже из заглавия статьи, – это сохранившиеся в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) метрические книги (регистры) миссии иезуитов[5]. Для понимания контекста, уточнения данных и поиска дополнительной информации были использованы также отчеты самих миссионеров, воспоминания доминиканца Ф. Чечерского о Сибири начала XIX века (Ciecierski, 1865), близкие по времени рапорты бернардинцев от 1821 года, географические карты того времени.

В историографии, а конкретнее – в работе А. Пэк, уже имеется упоминание метрических книг Иркутской миссии (Peck, 2001, с. 23). Исследователь опубликовала общую информацию об этих регистрах, подсчеты численности усопших и числа таинств, однако не анализировала географию мест проживания, характеристики прихожан. Эти темы определенно не были предметом ее изучения, а метрические книги не были основным источником. А. Пэк, занимавшаяся прежде всего корреспонденцией и рапортами миссионеров, о регистрах упоминает лишь в общих чертах, причем только о двух из четырех сохранившихся. Однако в архивных делах фонда иркутской католической общины (РГИА, ф. 297) находятся не только указанные в работе А. Пэк книги миссии о венчании и крещении, но и небольшая книга о миропомазаниях, а также отдельная книга об умерших.

[5] Регистры изучались и копировались автором статьи в ГАИО, в 2016 году.

Анна Пэк приводит ценную информацию о сложностях, связанных с заполнением регистров, из-за сопротивления местной православной иерархии (Zamek-Gliszczyńska, 1991, с. 293). Из-за затруднений такого рода и известных недостатков метрических записей записи эти в некоторых случаях могут содержать неполные и неточные данные. Это, однако, не умаляет ценности источника как такового, успешно используемого и для узких, и для комплексных социально-исторических исследований[6].

В работе нами были использованы вышеупомянутые метрические книги Иркутской миссии о венчании, миропомазании и крещении за 1812–1819 гг., записи книги об умерших – за 1812–1816 гг. Все эти регистры явно заполняли несколько человек, по-латински[7]. Вероятнее всего, писали сами миссионеры – священники-иезуиты Винцент Лашкевич (Vincentius Łaszkiewicz), Марцелл Каменьский[8] (Marcellus Kamieński), Тадеуш Машевский (Thaddaeus Maszewski). Метрические книги велись с целью регистрации главных событий в жизни прихожан, копии книг пересылались в консисторию. Хранящиеся в ГАИО рукописные регистры, использованные в исследовании, судя по способу написания и значительному количеству исправлений, являются оригиналами.

Метод. Поскольку *объектом* исследования является сообщество из множества сибирских католиков, наиболее подходящим методом представляется просопографический: систематизация данных метрических книг о людях по месту их жительства, статусу, полу, возрасту, виду деятельности. Для достижения *цели* – реконструкции коллективного портрета католиков Сибири начала XIX века – были поставлены следующие *задачи*: 1) систематизировать данные регистров по уездам в хронологическом порядке, 2) проанализировать и обобщить полученные результаты отдельно по каждому уезду, 3) сравнить результаты по разным уездам и обобщить их в сопоставлении с письменным наследием священников миссии, с другими источниками и данными историографии.

В тексте статьи результаты выполнения первой и второй задач представлены в первом и втором разделах о Томской и Иркутской губерниях. При этом порядок губерний и уездов не алфавитный, а географический – с Запада на Восток, что позволяет легче наблюдать динамику качественных и количественных

[6] О профессиях и социальных классах во Франции на основе церковных регистров писали, к примеру, И. Маас и М. ван Леувен (2007), о католиках Сибири и Центральной Азии – В. Билотас (2016), о католиках Екатеринбурга – Е. М. Главацкая и др. (2016).

[7] Для антропонимов и топонимов священники использовали также символы польского алфавита.

[8] В историографии часто – Каминский (Kaminski).

изменений при удалении от центра империи[9]. Результаты выполнения третьей задачи вместе с графическим материалом составили третий раздел статьи.

Упомянутые в статье сибирские уезды хорошо знакомы автору по многочисленным поездкам и по опыту проживания на территориях трех из них. Автор статьи выражает особую признательность Дмитрию Панто, доктору исторических наук из Гданьска, за помощь в получении важных для исследования польских источников.

2. Католики Томской губернии

2.1. Согласно метрикам, в **Томском уезде** Томской губернии до своей кончины в 1814 году жила *Thecla Skuratowa*. Она умерла в возрасте 31 года, точное место и причина смерти не указаны.

2.2. Далее, в более восточном, **Красноярском уезде** той же губернии, компактно в одной деревне *Tiertież (Czertież)* проживало множество католиков. Об этом свидетельствуют записи о венчании 11 пар за 1812–1814 годы и одна запись о крещении 1814 года. Первыми в Сибири (23.03.1812) венчались именно жители Тертежа *Basilius Bublisow* и *Marcella Morawska*, свидетелями брака были: *Josephus Frankiewicz* и ***Joannes Nowicki***[10]. В 1814 году пара уже крестила своего сына Иосифа (*Josephus Bublisow*), и это было первое крещение в деревне, свидетели: *Joannes Lisiejew* и *Praskovia Kulikowska*. Другие десять венчанных пар Тертежа: *Caspar Alatyr* и *Helena Forshner, Joannes Nowicki* и *Anastasia Zu[?]bowna, Martinus Aleszkiewicz* и *Aleksandra Kumanowska, Joannes Tomkowid* и *Angela Kulbacka, Felix Mendicki* и *Regina Konceviczowna*, *Joannes Jancow* и *Christina Babst, Joannes [Cudilis?]* и *Liudovica [Matyson?]*, *Andreas* и *Kulina*[11], *Emilianus Hans* и *Marja, Jacobus Kuli* и *Anna*. Последние записи очень краткие, иногда даже без фамилий брачующихся, что наводит на мысль о нежелании документировать полностью случаи уделения таинств инославным.

Свидетелями этих венчаний были: *Matyson [f]on Neuderf,* ***Christina Luisa Babst****, Alexis Luksza, M[...] Luksza, Alexis Kudinow, Victoria Piohowiczowa, Henricus*

---

[9] В работе использовались карты начала XIX века: *Карманной почтовой Атлас всей Российской Империи*, 1808.

[10] Жирным шрифтом здесь выделены имена свидетелей, которые и сами венчались в Тертеже.

[11] Пара с точно такими же именами (Андрей Назаров и Кулина Кишелёва) встречается в качестве свидетелей в метриках далекого Нерчинского уезда (см. раздел 3.4). Если это те же люди, то, возможно, вписаны среди венчанных Тертежа по ошибке или для конспирации при случае с венчанием инославных.

Matyson[12]*, Joannes Baranski, Petrus Alesienski, Joannes Antonow, Anna Margarita Bergstrim, Basilius Sciepanow,* ***Joannes Tomkowid****, Antonina Jacowlewna,* ***Basilius Bublisow****.*

Судя по тому, что о Томском уезде в регистрах лишь одна скупая запись, и все записи о Красноярском уезде связаны с одной единственной деревней Тертеж, находившейся на подъезде к Иркутской губернии, миссионеры-иезуиты, скорее всего, до 1815 года не посещали населенные пункты Томской губернии, за исключением вышеупомянутой деревни Тертеж, а навещали преимущественно католиков губернии Иркутской. Упоминание в историографии о принудительном переселении целой белорусской шляхетской деревни Тертеж на восток империи после третьего раздела Речи Посполитой (Максимов, 1900, сс. 363–364) позволяет предположить, что эти переселенцы из обедневших дворян, или их часть, могли основать сибирский **Тертеж**. То, что в Тертеже за 1812–1814 годы зарегистрированы 11 венчаний, а на остальной территории Иркутской миссии – ни одного, свидетельствует об уникальности данной общины. Вероятно, в то время это была единственная относительно «нормальная» католическая сельская община с множеством семейных пар. С другой стороны, полное отсутствие упоминаний о Тертеже в книге об умерших наводит на мысль о некоем отборе, о переселении в эту деревню только молодых людей. Возможно, здесь имел место один из экспериментов правительства по освоению сибирских земель, и анализ регистров позволил нам локализовать[13] уникальную колонию-резервацию из запроектированных[14] властями для деятельности иезуитов (ср. Липке, 2012).

В Тертеже на венчаниях пар с германскими фамилиями свидетели обычно были тоже с германскими фамилиями, при смешанных браках – свидетели с фамилиями разного происхождения. Это может указывать на существование в данной деревенской католической общине национальных групп. Всего в метриках записаны 39 жителей Тертежа (24 мужчины и 15 женщин), а записей после 1814 года в иркутских регистрах нет, что вполне объяснимо организацией отдельной иезуитской миссии в Томске с 1815 года. Поскольку деревня относилась к Томской губернии, местные католики, вероятнее всего, должны были с 1815 года регистрироваться и окормляться иезуитами из Томска.

---

[12] Не исключено, что Генрих Матисон и Матисон из Нойдерф – один и тот же человек, по-разному представившийся священникам в разные годы. Вероятно, это переселенец немецкой колонии Нойдорф, которая находилась в Поволжье.

[13] Судя по данным карт того времени и по спискам населенных пунктов уезда, это поселение находилось там, где и сегодняшнее село Тертеж Манского района Красноярского края. То же название имеет и текущая через село река.

[14] На отношение к специальному проекту может указывать и само название села – Тертеж или Чертеж.

3. Католики Иркутской губернии

3.1. Далее на востоке, за Красноярским уездом, около 200 км от Тертежа, начиналась Иркутская губерния, и первым ее западным уездом был уезд **Нижнеудинский**. Здесь католики проживали, как минимум, в 10 населенных пунктах. Согласно метрикам, в деревне *Bolszoy Ingaż* в 1813 году была крещена *Elisabetha Hryhorowna* в присутствии родителей: *Michael Hryhorow* и *Gratiana Michaylowa*. Свидетели – *Daniel Klimowicz* и *Elisabetha Piotrowa*. В слободе *Niżnieudinskaja (Podhorodna)* в том же 1813 году ушел из жизни 63-летний *Petrus Chodkiewicz*, а в 1815 году были миропомазаны сосланные сюда молодые люди *Jacobus Wiszniewski* и *Marianna Urbanowiczowna*, свидетелями стали соответственно ссыльный *Nicolaus Kassianowicz* и благородная дама *Anastasia Rodziewiczowa*.

Остальные девять «католических» мест уезда выявляются по записям в книге об умерших. Так, в деревне *Tyny* до своей кончины проживали ссыльные *Marja Markiewiczowa (Soroczyńska)* и *Ignatius Markow*, умершие соответственно в 1814 и 1815 годах[15]. В деревне *Reszeto* в 1814 году был убит 33-летний ссыльный *Joannes Sosnowski*, а в следующем году в деревне *Rieszoty* умерла 33-летняя ссыльная *Maria Kowalchukowa (Jotkowna)*[16]. В деревне *Alzamayskaja* умер ссыльный *Saweli Ziemienko*, в деревне *Czeremszanskaja* – 33-летняя ссыльная *Anastazia Osipowa (Brzostowska)*, в деревне *Kluczyńskaja – Semion Żownierowicz* (63 года), в селе *Kluczynskie*[17] *– uxor Siemiena Iwanowa*, в *Prawlenie K[?] – Helena Bertenko* (69 лет), в деревне *Wierchi Inhaż* – ссыльный *Adalbertus Makarewicz* (39 лет).

Таким образом, в Нижнеудинском уезде записаны в метрики преимущественно одинокие ссыльные. Всего указано 20 человек (10 мужчин и 10 женщин), от младенца до 69-летнего.

3.2. Далее на юго-восток находился **Иркутский уезд**. Судя по количеству метрических записей, самые большие группы католиков там проживали в самом городе Иркутск и в поселениях *Birulka, Kaczuga, Ujany*.

Метрические книги содержат информацию о том, что в 1814 году в ***Иркутске*** скончался 27-летний *Antonius Demanowski*, что там же 9 сентября 1815 года был крещен *Michael Matiaszow*, что его родителями были ссыльные *Joseph Matiaszow* и *Anna (Błażewiczowna)*, а свидетелями таинства – *Terentius Konstantinow* и *Teresia Błażewiczowna*.

---

[15] Они могли быть супругами или родственниками, если имела место русификация фамилии *Маркевич* в *Марков*.

[16] Возможно, речь здесь о двух названиях одного и того же места Решеты, а эти ранние смерти молодых и близких по возрасту людей неким образом связаны между собой.

[17] Вероятно, здесь также две формы названия одного населенного пункта. Женщина в таком случае могла быть женой того же Семена Жовнеровича, если его отец звался Иваном или Яном.

В 1816 году в том же городе крещена *Catharina Szminkówna*, родители – аптекари *Joannes Szminków* и *Barbara D[?]zermówna*, свидетели – благородный господин *Jacobus Moor*[18] и *Am[?] Szminkówna*. Катарина прожила лишь два месяца, запись о ее кончине и похоронах сохранилась в книге об умерших. Из того же источника известно, что в 1816 году умерли еще три католика-иркутянина: 50-летний солдат *Simon Woitkiewicz*, 60-летний вдовец *Jacobus Bendarczuk* и 16-летний рабочий *Joannes "filius Basilii"*. Последний – единственный прихожанин, о котором написано, что похоронен священником и на католическом кладбище.

В 1818 году в Иркутске обряды крещения были совершены над двумя детьми – *Sophia* и *Fridericus Solomoni*. Записи свидетельствуют о дополнительных обрядах, поскольку оба ребенка были крещены ранее, лютеранским пастором и дворянином *Pioni* соответственно. Родителями крещеных были аристократы *Vincentius Solomoni* и *Teresia de Boje*, а свидетелем – их старшая дочь *Gabriela Charkiewiczowa*.

В 1819 году в губернском центре венчались две пары ссыльных: *Joannes Natarenko* и *Constantia Adamowa (Lisowska), Joannes Kowalewski (vel Kowalenko)* и *Rosalia Budźkowa (Szydlowska)*. Свидетелями первых были ссыльные *Aloysius Shtullmiller* и *Adalbertus Baranowski*, вторых – тот же *Aloysius Shtullmiller*, его жена *Anna Shtullmillerowa* и *Jacobus Antonius Kossakowski*.

Итого по городу Иркутск, центру миссии, метрики содержат имена 27 прихожан и свидетелей (16 мужчин и 11 женщин). Эта цифра значительно меньше, чем в Тертеже, но иркутская община более «пестрая» по роду занятий и причинам прибытия в Сибирь. В ее списках: чиновники, аптекари, солдаты, рабочие, ссыльные. Встречаются и люди высокого ранга, представители старинных аристократических родов. Возраст указан от младенческого до 60 лет, вписаны 6 семейных пар и несколько детей.

Во всем Иркутском уезде, вне города Иркутск, было уделено лишь одно таинство крещения – в поселении ***Kaczuga*** (1813 год). Однако и здесь речь идет, возможно, только о дополнительных обрядах, поскольку *Thecla Klimowiczowna* уже была крещена ранее православным священником. Родители – *Charlantius Klimowiczow* и *Stephanida Protasowa*, крестные – *Stanislaus Klimowicz* и *Maria Sazonowna*.

---

[18] Яков Моор записан в метриках как «Hetten-Fervalter nonae classis», что означает его принадлежность к высоким чинам горного управления и высокую степень вероятности, что это тот самый австрийский исследователь сибирских полезных ископаемых: «В 1813 году на Байкале побывал уроженец Австрии Яков Мор, принятый на русскую службу. Цель его путешествия в Сибирь – полное минералогическое описание земель от Уральских гор до самой Камчатки. Он первым подробно исследовал прииски ляпис лазури у Байкальских гор по берегам речки Слюдянка» (Гольдфарб, 2010, с. 63).

Из восьми миропомазаний шесть уделены именно в Иркутском уезде. В деревне ***Ujany*** 01.01.1819 года священником В. Лашкевичем был миропомазан ссыльный юноша *Hieronimus Lewkowicz*, свидетель таинства – ссыльный *Joannes Jabłoński*. Через неделю в деревне ***Birulka*** тем же священником за один день (08.01.1819) миропомазаны пять человек из ссыльных: два холостяка – *Stephanus Dudowski*, *Petrus Krukowski* и три женатых мужчины – *Thaddeus Bałbucki, Augustinus Kozłowski, Laurentius Kiarszys*. Свидетелями были, соответственно, также ссыльные *Thomas Markiew[icz], Stanislaus Puszkin, A[n]tonius Kukel, Michael Gołembiejew[ski], Joannes Jabłoński*.

О других восьми местах пребывания католиков в уезде узнаем из книги об умерших. Согласно записям в ней, в поселении *Aleksandrowski Zawod* умер ссыльный Joseph Szyliński (1816), в поселении *Alexandrowski Winokurny Zawod*[19] – 21-летняя ссыльная *Christina Kazimierowa (Bazul)* (1814), в деревне *Baday* – 55-летняя ссыльная вдова *Catharina Augustowska (dd. Skibinska)* (1816), в деревне *Bure*[t'] – 74-летний *Simon Czaykowski* (1814), в деревне *Koty* – 43-летняя ссыльная *Anastasia Kulczyńska* (1815), на фабрике *Solanaja* – ссыльный *Thaddeus Wysocki* (1814), на фабрике *Tilminska* – 44-летняя *Praskowja Karniejewa (Dakiewiczowna)*, на станции *Zujewskaja* – *Theodorus Brzezicki* (1815).

Таким образом, в Иркутском уезде (вне города Иркутск), судя по метрикам, прихожане были преимущественно из ссыльных, 15 из 24 записаны с таким статусом. Указанный возраст – от детского до 74-летнего, по полу – 7 женщин и 17 мужчин. Как и в Нижнеудинском уезде, здесь наблюдается некая тенденция: записанные в метриках места жительства прихожан расположены на основных трактах, на почтовых дорогах. Это может означать то, что часть католиков, сосланных или прибывших добровольно в удаленные от трактов поселения, не посещалась миссионерами, и даже не была известна[20].

3.3. На востоке от Иркутского уезда, за озером Байкал, начинался **Верхнеудинский уезд** Иркутской губернии. Там, судя по метрическим книгам, католиков было намного меньше. В книге об умерших есть лишь две записи о поселении *Charytonowo* и о заводе *Pietrowski*. В первом в 1813 году умер *Nicolaus Wilczynski*, во втором – 37-летний ссыльный *Josephus Zawitowski*.

Итак, по Верхнеудинскому уезду в метриках есть данные лишь о двух католиках. Как минимум, один из них находился там в ссылке. Малое количество прихожан в этом уезде подтверждается и дневниковыми записями миссионера

[19] Возможно, это тот же Александровский Завод, упомянутый выше, только с полным наименованием.

[20] Охват всей сибирской паствы был невозможен и позднее, при настоятеле Х. Швермицком, невозможен и сегодня.

Т. Машевского, искавшего там католиков в 1818 году и нашедшего лишь одного (Maszewski, 1818, c. 300).

3.4. Наконец, самым восточным уездом, указанном в метрических книгах, был находившийся за Верхнеудинским **Нерчинский уезд** Иркутской губернии. Метрические записи содержат 24 названия населенных пунктов этого уезда, в которых проживали католики или в которых они участвовали в церковных таинствах. Группы или семьи определенно находились в деревнях *Balzyńskaja, Tyrhitui, Ulatuy, Unda*, в остальных населенных пунктах метрики указывают лишь на одного-двух умерших католиков.

Первые сибирские крещения в миссии иезуитов были зафиксированы в деревнях *Tyrhitui*[21] (01.08.1812) и *Ulatuy* (11.08.1812). В первой была крещена *Maria Zaycowna*, родители – *Joannes Zaycow* и *Francisca Połtawska*, свидетели – *Joannes Ciebotkin, Anna Zieniowna*. Во второй – *Anna Janowiczowna*, родители – *Thomas Janowicz* и *Helena*, крестные – *Andreas Nazarow* и *Kulina Kiszelowa*.

В деревне *Balzyńskaja* 24.06.1815 был крещен *Joannes Zdachlonek*. Родители – рабочие *Prokop Zdachlonek* и *Darja Mi[?]na*, свидетели – *Jacobus Bielajew* и *Matrona Popowa*, тоже из рабочих. Согласно книге об умерших, в июне того же 1815 года в поселении *Balzińskie*[22] умер месечный младенец *Joannes "filius Basilii"*. В деревне *Unda* 19.07.1818 венчались рабочий *Joannes Beynarowicz* и *Eudoxia Venger*. Брак благословил священник *Thaddaeus Maszewski*, а свидетелями выступили *Stephanus Bieniewski, Joannes Chmielewski, Simeon Bieniewski, Matrona Plaskina*.

Остальные названия населенных пунктов находятся в книге об умерших. Согласно записям в ней, в деревне *Ablatuchanskaja* закончил свои дни ссыльный *Gabriel Aniszczenko* (1815), на руднике *Alexandrowski – Jacobus Dudkowicz* (1813), на другом руднике *Blahodatski* – ссыльный *Joannes Enhelbert* (1815), в поселении *Czeremchowskie* – 65-летний ссыльный *Joannes Sierebrowski* (1815) и ссыльный *Jacobus Michaylow* (1815), в поселении *Czyrońskie – Michael Rynkiewicz* (1812), на заводе *Duczanski* – 59-летний ссыльный *Romanus Zaleski* (1815), в поселении *Hornaja Kantora* – ссыльный *Lukas Miedwiecki* (1815), на руднике *Kliczkinski* – 73-летний ссыльный *Joannes Keiro* (1815), в поселении *Korożyńskie* – 35-летний ссыльный *Gregorius Kotowicz* (1816), в деревне *Kukinskaja* – 61-летний ссыльный *Demetrius Prochaczenko* (1812) и 46-летний ссыльный *Adamus Tomowski* (1814), на руднике *Michaylowski* – 35-летний ссыльный *Antonius Mironow* (1815), в поселе-

[21] Тыргетуй (бур. Тэргетэй) – топоним, встречающийся и в Иркутской области, и в Забайкалье. Последний известен с 1799 года и близок к следующему месту крещения – Улятую, поэтому первое крещение вероятнее всего состоялось именно там (сегодняшнее село Тыргетуй Карымского района Забайкальского края).

[22] Вполне вероятно, что *Balzyńskaja* и *Balzińskie* – это русское и польское названия одного и того же населенного пункта – сегодняшнего Бальзино.

нии *Olinskie* – дочь Игнатия Данилы Козловского ссыльная *Natalia Kozłowska* (1812) и *Joannes Werland* (1812), на заводе *Szylkiński* – 52-летний ссыльный *Stanislaw Prowalski* (1815), в деревне *Tataurowskaja* – 26-летний ссыльный *Thaddeus Fomicienko* (1814), в деревне *Uldurhinskaja* – ссыльная *Teresia Theodorowa* (1812) и 48-летний ссыльный *Alexander Korzeniewski* (1813), в поселении *Undyńskie* – ссыльный *Leo Toloczkin* (1815), в поселении *Undyńskoje – Anna Beynarowiczowa* (1814), в поселении *U[rz]kieńskoje – Theodorus Wiszniewski* (1814), в поселении *Żybkoszynskie*[23] – 38-летний *Jeorgius Zelmis* (1813), наконец, в неуказанном месте Нерчинского уезда – 76-летний *Michael Bayro*.

Всего в Нерчинском уезде миссионер Машевский в своей пастырской поездке встретил около 200 католиков, в нескольких поселениях, на заводах и рудниках (Maszewski, 1818, с. 305). Примечательно, что названия части этих заводов и рудников вписаны в метрических книгах как места уделения таинств или смерти, из поселений же, упомянутых Машевским, вписано лишь одно – Чиронское. Данный факт подтверждает то, что метрики содержат лишь некоторую часть информации о местах проживания прихожан миссии, как, впрочем, и об их персоналиях, численности. В регистрах миссии находится 46 имен католиков и свидетелей из Нерчинского уезда (33 мужчины и 13 женщин), причем 26 из них умерли до 1818 года.

То есть, количество нерчинских прихожан, вписанных в метрики до 1818 года, примерно на порядок меньше количества нерчинских прихожан, встреченных миссионером в 1818 году. Это наблюдение может быть полезно и для приблизительной оценки численности католиков по другим уездам. Статус ссыльного указан у 14 нерчинских прихожан, как рабочие записаны четверо. У других статус или сословие не указаны, что не исключает их принадлежности к двум вышеназванным, наиболее распространенным в уезде.

4. Общий портрет прихожан Иркутской миссии 1812–1820 гг.

4.1. *Размещение.* Метрики иезуитской миссии содержат 52 названия сибирских населенных пунктов[24], расположенных в радиусе около 1000 верст от Иркутска, в которых в изучаемый период иезуиты уделяли таинства крещения, венчания, миропомазания и/или умер(-ли) прихожанин(-е). В четырех случаях эти названия очень близки по написанию к другим четырем топонимам, они могли бы обозначать одни и те же места, поэтому населенных пунктов, упомянутых в метриках иезуитов, насчитывается как минимум 48.

[23] Топоним Жибкошинское существует в районе поселения Усть-Иля.

[24] Это примерно четверть от общего числа мест проживания католиков, указанного в рапорте миссионеров за 1816 год (ср. Zamek-Gliszczyńska, 1991, с. 292).

Реконструкция коллективного портрета представляется наиболее целесообразной в соотнесении групп прихожан с регионами, в которых они проживали, поскольку природные и социальные условия в разных частях Сибири были весьма неоднородными. Локализация известных по иркутским метрикам мест проживания сибирских католиков на административной карте азиатской части Российской империи начала XIX века наглядно показывает полное отсутствие метрических данных по Тобольской губернии, минимальное их количество по Томской (2 населенных пункта) и значительное – по Иркутской губернии (как минимум 46 пунктов). Причем в Иркутской губернии такие пункты находились исключительно в западной и южной ее части, так как по северу и востоку губернии данных в метриках нет. Эти «католические» места (места проживания католиков) по уездам Иркутской губернии распределены неравномерно: в Иркутском уезде их было 11, в Нижнеудинском – 9, в Верхнеудинском – 2, а в Нерчинском – 24. Судя по количеству записей, католиков в таких местах обычно было мало, от одинокого ссыльного до семьи или небольшой группы. На всей территории Иркутской миссии крупных общин с десятками прихожан, вероятнее всего, было только две – в Тертеже Красноярского уезда Томской губернии (в составе Иркутской миссии до 1815 года) и в самом городе Иркутск.

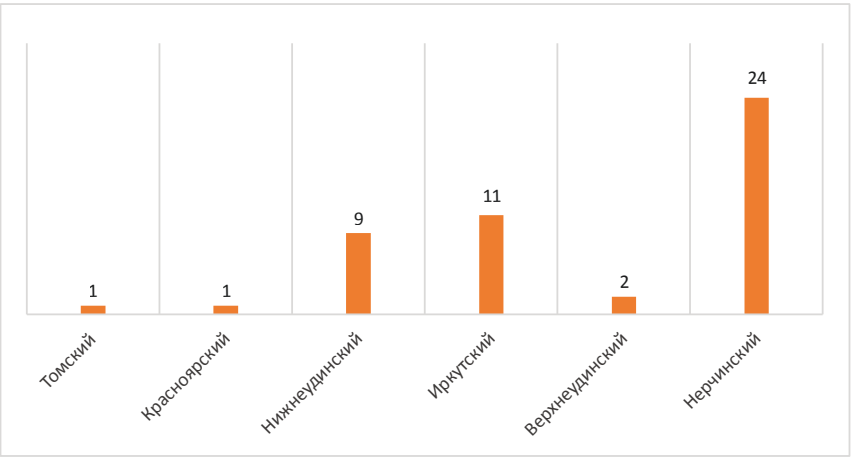

Диаграмма 1. Число зафиксированных в метриках Иркутской миссии населенных пунктов, по уездам. 1812–1820 гг.

4.2. *Численность.* Сравнение метрических и дневниковых записей священников по Нерчинскому уезду явно указывает на то, что количество мест проживания католиков было значительно больше, чем отражено в метриках. И это вполне

логично, ведь не в каждом из них прихожане просили о крещении, венчании или миропомазании в период с 1812 по 1820 год, не в каждом из мест в эти годы были похороны католика. Похожая ситуация и с количеством прихожан: миссионеры в отчетах указывали 1226 прихожан в 1814 году, 974 в 1815 году (Majdowski, 2001, с. 36; Zamek-Gliszczyńska, 1991, с. 291), а в метриках за 1812–1820 видим имена лишь 158 человек, причем некоторые из них могли быть не прихожанами (инославным родителем или свидетелем таинства). То есть, численность прихожан, известных священникам, была примерно на порядок больше, чем записанных в метриках. Разница в 252 человека в отчетах миссионеров за 1814 и 1815 годы может указывать на количество прихожан Томской губернии, перешедших в ведение образованной в 1815 году Томской миссии иезуитов. И поскольку среди томских католиков абсолютное большинство записанных в метриках – это жители Тертежа (39 человек), логично предположить, что в этом поселении могло проживать 200 и более прихожан.

Подобное число католиков было и в городе Иркутск, судя по близкому количеству таинств и по 28 антропонимам, зафиксированным в метриках миссии. Другие, около 800–900 из известных пастырям, были рассеяны по одному или по нескольку человек по четырем уездам Иркутской губернии, преимущественно вдоль основных дорог. В 1818 году в Нерчинском уезде миссионеры встретили 200 католиков, в Верхнеудинском – лишь одного, поэтому в Иркутском уезде (вне города Иркутск) и в Нижнеудинском уезде суммарно могли проживать около 600–700 католиков. Похожее размещение католиков, примерно по 200 на уезд, вероятно и для Западной Сибири вдоль основных путей сообщения, но иркутские церковные регистры не содержат информации о них.

Вышеприведенные данные и наблюдения, а также сравнительный анализ характеристик католических общин по уездам позволяет составить общий, хотя и не полный, коллективный портрет первых прихожан Иркутской иезуитской миссии 1812–1820 годов. Реконструкция такого портрета напоминает процесс восстановления старинной фрески с большим количеством лиц, где одна часть лиц сохранилась, другая – лишь в очертаниях, третья определенно была, но утрачена. Так и в нашем портрете прихожан Иркутской миссии неизвестна часть католиков, проживавших вдали от основных дорог, и, соответственно, неизвестны населенные пункты, где они находились[25]. О большинстве прихожан миссии известно по цифрам отчетов и общим упоминаниям в дневниках, но они безымянны. Наконец, известны по имени и другой личной информации те,

[25] Анна Пэк также пришла к подобным выводам: священники «не всех достигали, число должно быть больше» (Peck, 2001, с. 24; перевод с польского – В. Б.).

кто вписан в церковные регистры[26]. Таких прихожан более ста, что составляет около десяти процентов от общего числа сибирских католиков, указанного в рапортах миссионеров (1226 человек), и достаточно в качестве репрезентативной группы для исследования.

Процент женщин во всех записях по Иркутску и Тертежу – около 40, по Нерчинскому уезду и Иркутскому (вне города) – 30, по Верхнеудинскому – 0, по Нижнеудинскому – 50. В сопоставлении с количеством семейных пар процент женщин в Иркутском и Нижнеудинском уездах выглядит непропорциональным, что объясняется сравнительно высокой численностью ссыльных женщин в этих регионах.

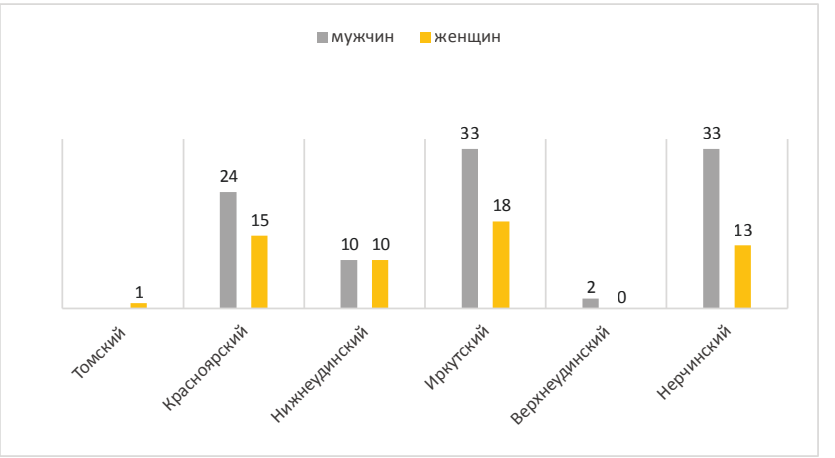

Диаграмма 2. Число уникальных мужских и женских антропонимов в регистрах Иркутской миссии, по уездам. 1812–1820 гг.

4.3. *Категории прихожан.* Город Иркутск начала XIX века – это не только административный, торговый, военный, промышленный центр крупнейшей по размерам губернии России, но и центр всего Сибирского генерал-губернаторства в 1803–1822 годах, с соответствующими структурами центральной и местной власти, управлениями и службами. Некоторые из служащих этих учреждений принадлежали к римско-католическому вероисповеданию, то есть были частью иркутского прихода-миссии. Благодаря метрикам известна семья дворянина и тайного советника Викентия Соломони (его супруга Терезия де Бож и трое детей), известен дворянин и чиновник горного управления девятого класса Яков

[26] Такое положение вещей еще раз подтверждает ценность метрических книг для исторических исследований. В некоторых случаях это единственный источник.

Моор, но таких служащих-католиков могло быть больше. Военных-католиков Иркутска в метрических книгах представляет солдат Симон Войткевич, рабочих-католиков – Иоанн «сын Василия», предпринимателей-католиков – семья аптекарей Шминке, наконец, ссыльных-католиков – целых восемь человек. Такое преобладание категории ссыльных среди других категорий католиков Иркутска (около 30%) позволяет предположить, что и в полном списке прихожан города самой многочисленной группой были именно сибиряки поневоле.

Вне города Иркутск, в остальных 10 «католических» населенных пунктах Иркутского уезда, судя по метрикам, католиков-ссыльных насчитывалось около 60% (15 из 25 человек), никаких других статусов или профессий не названо. Возможно, среди остальных 10 человек без статуса были и бывшие ссыльные, оставленные в Сибири на поселение. Похожая ситуация в соседнем Верхнеудинском уезде (один ссыльный и один без категории). По Нерчинскому уезду в регистрах обозначены две категории: ссыльные рабочие (каторжники?) и обычные рабочие, составлявшие соответственно 30 и 9 % от общего числа записанных людей. Здесь значительную часть прихожан могли составлять не только бывшие ссыльные, отбывшие наказание, но и группы крестьян-переселенцев, упомянутые Т. Машевским (Maszewski, 1818, с. 304). По Нижнеудинскому уезду 40% (8 из 20 людей) названы ссыльными, остальные – без указания статуса. Здесь также могли преобладать бывшие ссыльные и крестьяне. Крестьянами-переселенцами или обедневшей шляхтой могло быть большинство католиков Тертежа, в записях о них нет ни одного упоминания о статусе ссыльных (0%), но и ни одного указания на какой-либо другой статус. Важно учитывать, что большинство сибирских прихожан было из низших сословий. Они часто испытывали голод, были необразованы (ср. Maszewski, 1818, сс. 301, 304).

Категория ссыльных не была однородной. Это могли быть ссыльные и каторжные из преступников, из повстанцев-конфедератов, из деятелей подпольного движения, из военнопленных (Zamek-Gliszczyńska, 1991, с. 289). Чечерский выделял четыре категории ссыльных за «морем» (за озером Байкал): на поселении, каторга в горах, каторга с тяжелыми работами, вечная каторга с тяжелыми работами. Бывали и тайные узники под специальной охраной. По словам доминиканца, все ссыльные ощущали себя поселенными «в краю далеком и неизвестном, полном опасности и тиранства, которое на нас вымещали охранники» (Ciecierski, 1865, с. 60; перевод с польского – В. Б.). Вольнонаемные рабочие, в свою очередь, тоже подразделялись на нанятых обычным способом и рекрутов, работавших на заводах вместо военной службы (Kamienski, 1818, с. 67).

Согласно отчетам священников миссии, военнослужащие составляли одну из самых многочисленных групп прихожан (Peck, 2001, с. 25), хотя это по понятным причинам почти не отражено в метриках. При этом часть като-

ликов-военных были бывшими военнопленными, согласившимися служить в Сибири (Kamienski, 1818, с. 68). По словам М. Морошкина, среди сибирских католиков были и военнопленные из армии Наполеона, а также представители духовенства и мирян из западных губерний империи, особенно французского происхождения, признанные политически неблагонадежными во время наполеоновских войн (Морошкин, 1867, сс. 443–444).

Католики Сибири принадлежали, как минимум, к двум обрядам: латинскому и византийскому. Многочисленные восточнославянские антропонимы иркутских метрик могут косвенно подтверждать известный факт присутствия в азиатской России прихожан византийского обряда (греко-католиков), окормлявшихся иезуитами (Peck, 2001, с. 31). Некоторые типично русские антропонимы могут указывать также на смешанные браки (супруг некатолического исповедания) или на случаи переходов православных сибиряков в католичество. Такие переходы в Сибири имели место, они стали одной из причин запрета Общества Иисуса в империи и упомянуты в императорском указе о высылке иезуитов из страны (Лиценбергер, 2001, с. 81).

Данные историографии о греко-католиках Сибири вкупе со множеством восточнославянских фамилий в метриках наводят на мысль, что значительная часть, если не большинство, сибирских католиков начала XIX века имели восточнославянское происхождение. Эту гипотезу, в определенной степени, могли бы проверить и уточнить лингвисты при анализе антропонимов прихожан иркутской миссии (Приложение 1).

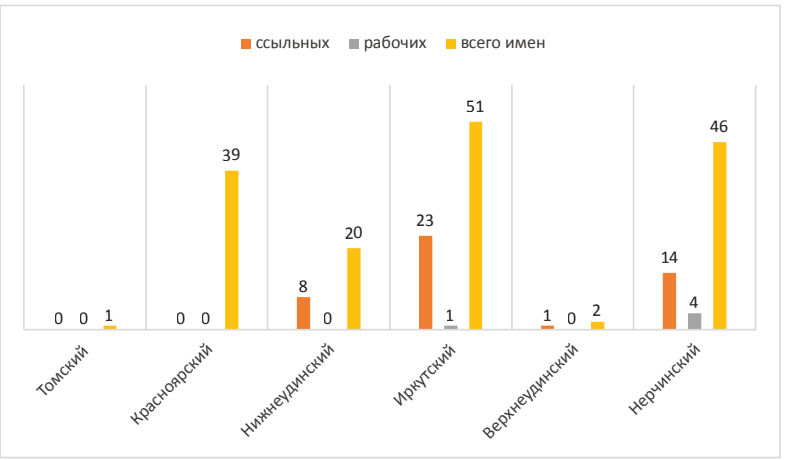

Диаграмма 3. Доля лиц, обозначенных в метриках Иркутской миссии как ссыльные и рабочие, по уездам. 1812–1820 гг.

4.4. *Семьи.* В коллективном портрете прихожан миссии община Тертежа выделяется и количеством семейных пар, упомянутых в регистрах венчаний и крещений: 12. По городу же Иркутск таких упоминаний лишь 6, по Нерчинскому уезду – 3, по Нижнеудинскому уезду – 1, по Иркутскому (вне города) и Верхнеудинскому – 0. Такие низкие показатели по последним регионам могут свидетельствовать о преобладании в них одиноких католиков из ссыльных и/или пожилых, а не из крестьян-переселенцев.

В рапортах священников указаны и другие причины малого количества венчаний в Сибири. Многие из ссыльных и солдат оставили своих жен в европейской части империи, что было препятствием для заключения нового брака. Кроме того, в регионе проживало малое количество женщин-католичек. Православная церковь легко давала диспенсацию на повторные браки, что способствовало переходу многих католиков в эту конфессию (Peck, 2001, сс. 25–26).

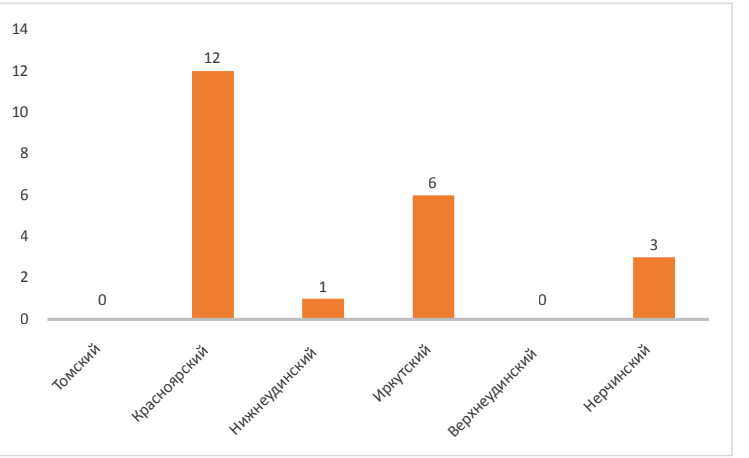

Диаграмма 4. Число уникальных семейных пар в регистрах браков и крещений Иркутской миссии за 1812–1820 гг., по уездам.

4.5. *Число уделенных таинств.* Сравнение числа таинств в разных уездах еще раз подтверждает величину, активность и близость к демографической норме двух основных общин миссии: Иркутска и Тертежа (см. Диаграмму 5).

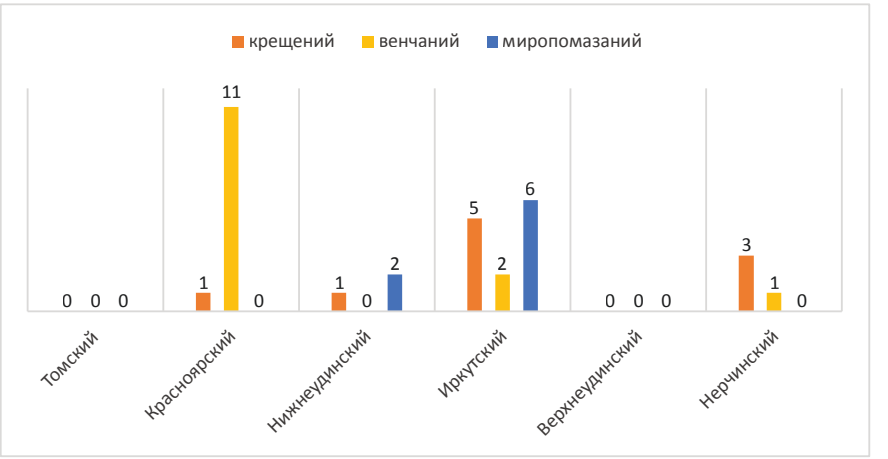

Диаграмма 5. Число таинств, зафиксированных в метрических книгах Иркутской миссии 1812–1820 гг., по уездам.

4.6. *Число и возраст умерших.* Каторжане и рабочие на заводах и рудниках находились в самых тяжелых условиях труда, особенно если занимались плавкой металлов (ср. Ciecierski, 1865, с. 327). Это подтверждают и метрики: наибольшая смертность зафиксирована именно в каторжном горнопромышленном Нерчинском уезде (Диаграмма 6).

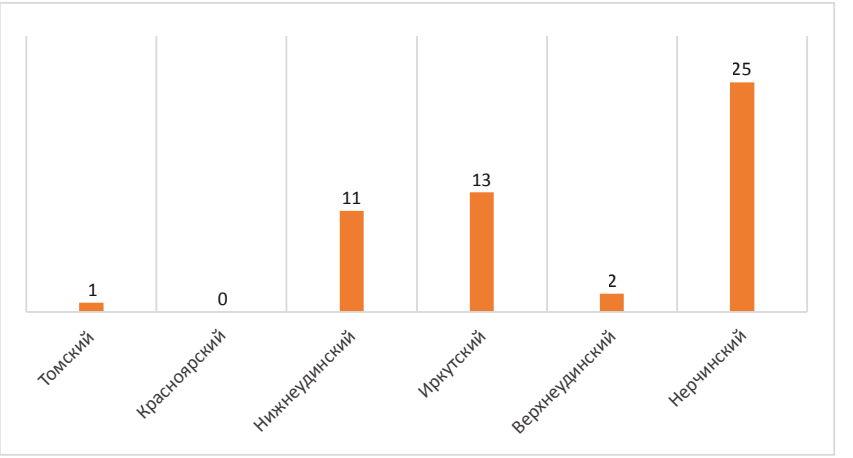

Диаграмма 6. Число умерших католиков, на территории Иркутской миссии в 1812–1820 гг., по уездам.

Систематизация данных о возрасте усопших прихожан миссии (Диаграмма 7) косвенно подтверждает малое число новорожденных детей в приходе, а также указывает на возможное преобладание в нем людей в возрасте от 30 до 40 и от 60 до 70 лет. Последние возрастные категории вполне соответствуют категориям бывших повстанцев из отрядов Костюшко и из армии барских конфедератов, а значит, в иркутских записях об умерших католиках могут быть сведения о некоторых участниках упомянутых восстаний.

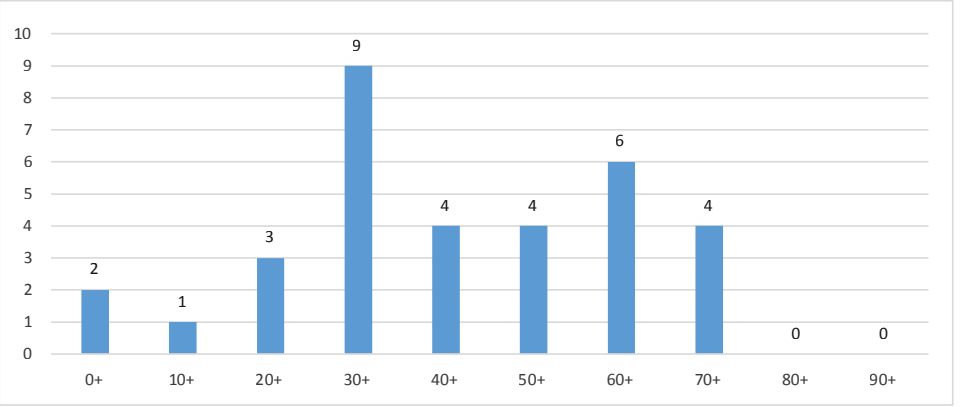

Диаграмма 7. Распределение по возрастным категориям умерших в 1812–1816 гг. прихожан Иркутской миссии.

5. Заключение

Данные регистров Иркутской миссии в сопоставлении с рапортами и дневниками ее священников, в целом, позволяют охарактеризовать сообщество сибирских католиков 1812–1820 гг. следующим образом. Прихожане миссии, около тысячи человек, жили поодиночке или малыми группами приблизительно в 200 населенных пунктах Сибири, крупные католические колонии находились лишь в двух из них: в Иркутске и Тертеже. Эти же две общины были наиболее похожими на обычные для своего времени: семьи, дети, разнообразие по происхождению. Однако эти две колонии существенно отличались между собой условиями проживания и видами занятий: прихожанами Иркутска были горожане разных чинов и профессий, а жители Тертежа – селяне, вероятнее всего, земледельцы.

В целом по региону, большинство католиков были ссыльными или военнослужащими, причем, и последние зачастую происходили из сосланных мужчин, выбравших войско вместо отбывания наказания в ссылке. Среди

сибирских католиков были также рабочие, крестьяне, предприниматели, чиновники, исследователи. Доминирование ссыльных и военных прихожан вкупе с малым числом женщин-католичек обусловили малое число католических семей и детей.

Преобладание в метриках славянских и балтских антропонимов, характерных для Речи Посполитой, подтверждает данные историографии о том, что большинство сибирских католиков начала XIX века происходило именно из этого региона. Прихожане с германскими и романскими фамилиями могли прибыть в Сибирь как из Речи Посполитой, так и из европейской части России или из Западной Европы (как, например, Я. Моор из Австрии или военнопленные из армии Наполеона).

Логично предположить, что прихожане с высоким социальным статусом, с государственным жалованием, проживавшие в губернских и уездных городах, вполне могли удовлетворить свои базовые материальные потребности, а также имели доступ к учреждениям культуры и здравоохранения. Большинство же сибирских католиков находились в деревнях, в бедственном положении, нередко, по словам миссионеров, – в нищете и голоде. Анализ регистра усопших показывает, что самые тяжелые условия были в каторжном краю – Нерчинском уезде. Там смертность прихожан в разы превышала смертность их единоверцев в других уездах.

В результате систематизации данных метрических книг получены новые знания о прихожанах Иркутской миссии: об особой крупной общине в Тертеже Красноярского уезда (вероятной экспериментальной католической «резервации»), о характере распределения по уездам, о значительной доле восточнославянских антропонимов. Полученные результаты углубляют наши знания и представления о первых сибирских прихожанах-католиках, позволяют частично реконструировать их коллективный портрет. Новые данные позволяют уточнить информацию о численности, статусе, роде занятий сибирских католиков начала XIX века, а публикуемые таблицы, диаграммы, списки могут послужить исследователям церковной истории, истории соответствующих регионов Европы и Сибири, специалистам по восстаниям XVIII века, по сибирской ссылке, по истории греко-католиков и русских католиков, а также лингвистам.

Исследование подтвердило, что метрические записи представляют собой своего рода естественную репрезентативную выборку информации, позволяющую реконструировать коллективный портрет того или иного сообщества посредством систематизации данных по категориям, внесенным в регистры. Точности и полноты в такой портрет добавляет сопоставление с документами руководителей изучаемых сообществ, а также свидетельства других очевидцев.

Сокращения

ГАИО – Государственный архив Иркутской области. Община верующих при Иркутском римско-католическом костеле.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Неопубликованные источники

Государственный архив Иркутской области [ГАИО]. Община верующих при Иркутском римско-католическом костеле:

Liber Metrices Baptizatorum Missionis Irkutensis P.P. Societatis JESU anno Domini 1812. Comparatus. Ф. 297, оп. 1, д. 2, лл. 5–8.

Liber Metrices Confirmatorum Missionis Irkutensis P.P. Societatis JESU ex anno 1814. Mensi Junii 12. Comparatus. Ф. 297, оп. 1, д. 2, лл. 1–2.

Liber Metrices Copulatorum P.P. Societatis JESU Missionis Irkutensis ab anno 1812. 1-a Aprili comparatus. Ф. 297, оп. 1, д. 1., лл. 1–4 об.

Liber Metrices Mortuorum P.P. Societatis JESU Missionis Irkutensis ab anno 1812. aprili 1. Comparatus. Ф. 297, оп. 1, д. 1., лл. 11–16 об.

Российский государственный исторический архив [РГИА]. Ф. 821, оп. 150, д. 123

Библиография

Опубликованные источники и литература

Антонов, Д. Н., & Антонова, И. А. (2006). *Метрические книги России XVIII – начала XX в.* Российский государственный гуманитарный университет.

Билотас, В. (2016). Католики Южной Сибири и Центральной Азии: Места проживания и численность согласно церковным регистрам второй половины XIX в. *Народы и религии Евразии, 9,* 182–192.

Владимиров, В. Н., Сарафанов, Д. Е. & Чибисов, М. Е. (2008). О возможности использования материалов церковноприходского учета населения для изучения профессиональной занятости населения. In В. Н. Владимиров & М. Х. Д. ван Леувен (Eds.), *Историческое профессиоведение: Источники, методы, технологии анализа* (pp. 28–50). Издательство Алтайского университета.

Главацкая, Е. М., Боровик, Ю. В., & Бобицкий, А. В. (2016). Католики Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в. по материалам переписей и метрических книг. *Известия Уральского федерального университета*, *18*(*3*(154)), 68–84.

Гольдфарб, С. И. (2010). *Мир Байкала.* Репроцентр А1.

Карманной почтовой Атлас всей Российской Империи, разделенной на Губернии, с показанием главных почтовых дорог. (1808). Собственное Его Императорскаго Величества депо карт.

Липке, Ш. (2012, February 24). 200 лет с начала присутствия иезуитов в Сибири. *Сибирская католическая газета*. https://sib-catholic.ru/200-let-prisutstviya-iezuitov-v-sibiri/

Лиценбергер, О. (2001). *Римско-католическая Церковь в России: История и правовое положение*. Поволжская академия государственной службы.

Маас, И., & Леувен, М. ван. (2007). Профессии и социальные классы сельского населения Франции (1680–1820 гг.). In В. Н. Владимиров (Ed.), *Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник* (pp. 142–163). Издательство Алтайского университета.

Максимов, С. В. (1900). *Сибирь и каторга.* Издание В. И. Губинского.

Морошкин, М. (1867). *Иезуиты в России, с царствования Екатерины II и до нашего времени* (Vol. 1). Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Недзелюк, Т. Г. (2011). Метрические книги сибирских католических приходов как репрезентативный исторический источник. *Вестник Томского государственного университета. История*, *3*(15),129–135.

Толстой, Д. А. (1876). *Римский католицизм в России: Историческое исследование*. Типография В. Ф. Демакова.

Ханевич, В. (2015). *Католики в Томске 1604–1917 (очерки истории).* Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова; Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД»; ФНК «Конгресс Поляков в России»; НКА «Томская Полония»; Томское общество «Мемориал», MSZ RP.

Bilotas, V. (2019). «Сибирь в церковном отношении» И.-Б. Пранайтиса. *Soter: Journal of Religious Science*, *72*(100). https://doi.org/10.7220/2335-8785.72(100).4

Caban, W. (2014). Zsyłka Polaków na Syberię w XIX wieku. Przegląd publikacji polskich i rosyjskich/radzieckich. *Przegląd Historyczny, 105*(4) (*zeszyt specjalny: «Jeńcy»)*, 713–737.

Ciecierski, F. (1865). *Pamiętnik Ciecierskiego, przeora dominikanów wileńskich, zawierający jego i towarzyszów jego przygody, doznane na Sybirze w latach 1797–1801*. A. Vogel.

Inglot, M. (1997). *La Compagnia di Gesu nell'Impero Russo (1772–1820) e la sua parte nella restaurazione generale della Compagnia.* Pontificia Università Gregoriana.

Kamienski, M. (1818). Wyjątek z listu X. Marcellego Kamienskiego T. J. r. 1816 z Tomsku pisanego do I. M. *Miesięcznik Połocki*, *1*, 63–69.

Majdowski, A. (2001). *Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim: Syberia, Daleki Wschód, Azja Środkowa*. NERITON.

Masiarz, W. (1996). Zarys dziejów kościoła i parafii rzymskokatolickiej w Irkucku (1812–1937). *Zesłaniec*, *1*, 20–23.

Masiarz, W. (2002). Powstanie i rozwój pierwszych parafii rzymskokatolickich na Syberii Wschodniej (1805–1937). In A. Kuczyński (Ed.), *Kościół katolicki na Syberii: Historia – Współczesność – Przyszłość* (pp. 125–140). Silesia.

Maszewski, T. (1818). Wyjątek z listu X. Tadeusza Maszewskiego opisującego podróż z Irkucka do Nerczyńska. *Miesięcznik Połocki*, *2*, 298–306.

Peck, A. (2001). Between Russian reality and Chinese dream: The Jesuit mission in Siberia, 1812–1820. *The Catholic Historical Review*, *87*(1), 17–33.

Veitas, M. (2004). *Katalikų Bažnyčios Sibire istorijos apybraiža*. Vilniaus dailės akademijos leidykla.

Zamek-Gliszczynska, A. (1991). Misja jezuicka w Irkucku 1811–1820. *Przegląd Powszechny*, *2*(834), 289–298.

Bibliography (Transliteration)

Published sources and literature

Antonov, D. N., & Antonova, I. A. (2006). *Metricheskie knigi Rossii XVIII – nachala XX v.* Rossiiskiĭ gosudarstvennyĭ gumanitarnyĭ universitet.

Bilotas, V. (2016). Katoliki IUzhnoĭ Sibiri i TSentral´noĭ Azii: Mesta prozhivaniia i chislennost´ soglasno tserkovnym registram vtoroĭ poloviny XIX v. *Narody i religii Evrazii*, *9*, 182–192.

Bilotas, V. (2019). «Sibir´ v tserkovnom otnoshenii» I.-B. Pranaĭtisa. *Soter: Journal of Religious Science*, *72*(100). https://doi.org/10.7220/2335-8785.72(100).4

Caban, W. (2014). Zsyłka Polaków na Syberię w XIX wieku. Przegląd publikacji polskich i rosyjskich/radzieckich. *Przegląd Historyczny*, *105*(4) (*zeszyt specjalny: «Jeńcy»)*, 713–737.

Ciecierski, F. (1865). *Pamiętnik Ciecierskiego, przeora dominikanów wileńskich, zawierający jego i towarzyszów jego przygody, doznane na Sybirze w latach 1797–1801*. A. Vogel.

Glavatskaia, E. M., Borovik, IU. V., & Bobitskiĭ, A. V. (2016). Katoliki Ekaterinburga v kontse XIX– nachale XX v. po materialam perepiseĭ i metricheskikh knig. *Izvestiia Ural´skogo federal´nogo universiteta*, *18*(3(154)), 68–84.

Goldfarb, S. I. (2010). *Mir Baĭkala*. Reprotsentr A1.

Inglot, M. (1997). *La Compagnia di Gesu nell'Impero Russo (1772–1820) e la sua parte nella restaurazione generale della Compagnia*. Pontificia Università Gregoriana.

Kamienski, M. (1818). Wyjątek z listu X. Marcellego Kamienskiego T. J. r. 1816 z Tomsku pisanego do I. M. *Miesięcznik Połocki*, *1*, 63–69.

Karmannoĭ pochtovoĭ atlas vseĭ Rossiiskoĭ Imperii, razdelennoĭ na gubernii, s pokazaniem glavnykh pochtovykh dorog. (1808). Sobstvennoe Ego Imperatorskago Velichestva depo kart.

Khanevich, V. (2015). *Katoliki v Tomske 1604–1917 (ocherki istorii).* Tomskiĭ oblastnoĭ kraevedcheskiĭ muzeĭ im. M.B. Shatilova; Memorial´nyĭ muzeĭ "Sledstvennaia tiur´ma NKVD"; FNK "Kongress Poliakov v Rossii"; NKA "Tomskaia Poloniia"; Tomskoe obshchestvo "Memorial"; MSZ RP.

Kozlov-Strutinskiĭ, S., & Parfent´ev, P. (2014). *Istoriia katolicheskoĭ tserkvi v Rossii.* Belyĭ kamen´.

Lipke, Sh. (2012, February 24). 200 let s nachala prisutstviia iezuitov v Sibiri. *Sibirskaia katolicheskaia gazeta*. https://sib-catholic.ru/200-let-prisutstviya-iezuitov-v-sibiri/

Litsenberger, O. (2001). *Rimsko-katolicheskaia TSerkov′ v Rossii: Istoriia i pravovoe polozhenie.* Povolzhskaia akademiia gosudarstvennoĭ sluzhby.

Maas, I., & Leuven, M. van. (2007). Professii i sotsial´nye klassy sel´skogo naseleniia Frantsii (1680–1820 gg.). In V. N. Vladimirov (Ed.), *Materialy tserkovno-prikhodskogo ucheta naseleniia kak istoriko-demograficheskiĭ istochnik* (pp. 142–163). Izdatel´stvo Altaĭskogo universiteta.

Majdowski, A. (2001). *Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim: Syberia, Daleki Wschód, Azja Środkowa*. NERITON.

Maksimov, S. V. (1900). *Sibir′ i katorga.* Izdanie V. I. Gubinskogo.

Masiarz, W. (1996). Zarys dziejów kościoła i parafii rzymskokatolickiej w Irkucku (1812–1937). *Zesłaniec*, *1*, 20–23.

Masiarz, W. (2002). Powstanie i rozwój pierwszych parafii rzymskokatolickich na Syberii Wschodniej (1805–1937). In A. Kuczyński (Ed.), *Kościół katolicki na Syberii: Historia – Współczesność – Przyszłość* (pp. 125–140). Silesia.

Maszewski, T. (1818). Wyjątek z listu X. Tadeusza Maszewskiego opisującego podróż z Irkucka do Nerczyńska. *Miesięcznik Połocki*, *2*, 298–306.

Moroshkin, M. (1867). *Iezuity v Rossii, s tsarstvovaniia Ekateriny II i do nashego vremeni* (Vol. 1). Tipografiia Vtorogo Otdeleniia Sobstvennoĭ Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii.

Nedzeliuk, T. G. (2011). Metricheskie knigi sibirskikh katolicheskikh prikhodov kak reprezentativnyĭ istoricheskiĭ istochnik. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, *3*(15), 129–135.

Peck, A. (2001). Between Russian reality and Chinese dream: The Jesuit mission in Siberia, 1812–1820. *The Catholic Historical Review*, *87*(1), 17–33.

Tolstoĭ, D. A. (1876). *Rimskiĭ katolitsizm v Rossii: Istoricheskoe issledovanie*. Tipografiia V. F. Demakova.

Veitas, M. (2004). *Katalikų Bažnyčios Sibire istorijos apybraiža*. Vilniaus dailės akademijos leidykla.

Vladimirov, V. N., Sarafanov, D. E., & Chibisov, M. E. (2008). O vozmozhnosti ispol´zovaniia materialov tserkovnoprikhodskogo ucheta naseleniia dlia izucheniia professional´noĭ zaniatosti naseleniia. In V. N. Vladimirov & M. Kh. D. van Leuven (Eds.), *Istoricheskoe professiovedenie: Istochniki, metody, tekhnologii analiza* (pp. 28–50). Izdatel´stvo Altaĭskogo universiteta.

Zamek-Gliszczynska, A. (1991). Misja jezuicka w Irkucku 1811–1820. *Przegląd Powszechny*, *2*(834), 289–298.

Приложение 1. Антропонимы в метриках Иркутской миссии 1812–1820 годов (оригинальное латинское написание и реконструкция на кириллице), с указанием уездов[27].

Adamowa (Lisowska) Constantia (I) – Адам (Лисовская) Констанция
Alatyr Caspar (K) – Алатир Каспар
Alesienski Petrus (K) – Алесенский Пётр
Aleszkiewicz Martinus (K) – Алешкевич Мартин
Aniszczenko Gabriel (N) – Анищенко Гавриил
Antonow Joannes (K) – Антонов Иоанн
Augustowska (Skibinska) Catharina (I) – Августовская (Скибинская) Катерина
Babst Christina (K) – Бабст Христина
Bałbucki Thaddeus (I) – Балбуцкий Фаддей
Baranowski Adalbertus (I) – Барановский Адальберт
Baranski Joannes (K) – Баранский Иоанн
Bayro Michael (N) – Байро Михаил
Bendarczuk Jacobus (I) – Бендарчук Яков
Bergstrim Anna Margarita (K) – Бергстрим Анна Маргарита
Bertenko Helena (NU) – Бертенко Гелена (Елена)
Beynarowicz (Venger) Eudoxia (N) – Бейнарович (Венгер) Евдоксия
Beynarowicz Joannes (N) – Бейнарович Иоанн
Beynarowiczowa Anna (N) – Бейнарович Анна
Bielajew Jacobus (N) – Беляев Яков
Bieniewski Simeon (N) – Беневский Симеон
Bieniewski Stephanus (N) – Беневский Стефан
Błażewiczowna Teresia (I) – Блажевич Терезия
Brzezicki Theodorus (I) – Бжезицкий Теодор
Bublisow Basilius (K) – Бублис Василий
Bublisow Josephus (K) – Бублис Иосиф
Bublisowa (Morawska) Marcella (K) – Бублис (Моравская) Марцелла
Budźkowa (Szydlowska) Rosalia (I) – Будько (Шидловская) Розалия
Charkiewiczowa (Solomoni) Gabriela (I) – Харкевич (Соломони) Габриэла

[27] Имена и фамилии указаны в оригинальном написании, затем – на русском языке, в реконструкции автора статьи. Свидетели крещений и венчаний здесь выделены курсивом, часть из них могли быть инославными, не прихожанами. Инославными могла быть также часть вступавших в брак и часть родителей новокрещенных. Сокращения названий уездов: I – Иркутский, K – Красноярский, N – Нерчинский, NU - Нижнеудинский, T – Томский, WU - Верхнеудинский.

Chmielewski Joannes (N) – Хмелевский Иоанн
Chodkiewicz Petrus (NU) – Ходкевич Пётр
Ciebotkin Joannes (N) – Чеботкин Иоанн
Cudilis? Joannes (K) – Кудилис Иоанн
Czaykowski Simon (I) – Чайковский Симон
Demanowski Antonius (I) – Демановский Антон
Dudkowicz Jacobus (N) – Дудкович Яков
Dudowski Stephanus (I) – Дудковский Степан
Enhelbert Joannes (N) – Энгельберт Иоанн
filius Basilii Joannes (I) – Иоанн, сын Василия
filius Basilii Joannes (N) – Иоанн, сын Василия
Fomicienko Thaddeus (N) – Фомиченко Фаддей
Forshner Helena (K) – Форшнер Гелена
Frankiewicz Josephus (K) – Франкевич Иосиф
Gołembiejew[ski] Michael (I) – Голэмбеевский Михаил
Hans Emilianus (K) – Ганс Емельян
Hryhorow Michael (NU) – Григоров Михаил
Hryhorowa (Michaylowa) Gratiana (NU) – Григорова (Михайлова) Грациана
Hryhorowna Elisabetha (NU) – Григорова Елизавета
Iwanowa "uxor Siemiena" (NU) – Иванова «жена Семена»
Jabłoński Joannes (I) – Яблонский Иоанн
Jacowlewna Antonina (K) – Яковлевна Антонина
Jancow Joannes (K) – Янцов Иоанн
Janowicz Helena (N) – Янович Гелена
Janowicz Thomas (N) – Янович Томас
Janowiczowna Anna (N) – Янович Анна
Korniejewa (Dakiewiczowna) Praskowja (I) – Корнеева (Дакевич) Прасковья
Kassianowicz Nicolaus (NU) – Касьянович Николай
Kazimierowa (Bazul) Christina (I) – Казимерова (Базул) Христина
Keiro Joannes (N) – Кейро (Кайрис) Иоанн
Kiarszys Laurentius (I) – Кяршис Лаврентий
Kiszelowa Kulina (N) – Кишель Кулина
Klimowicz Daniel (NU) – Климович Даниил
Klimowiczow Charlantius (I) – Климович Харлантий
Klimowiczow Stanislaus (I) – Климович Станислав
Klimowiczowna Thecla (I) – Климович Текла
Konceviczowna Regina (K) – Концевич Регина

Konstantinow Terentius (I) – Константинов Терентий
Korzeniewski Alexander (N) – Коженевский Александр
Kossakowski Jacobus Antonius (I) – Коссаковский Яков Антоний
Kotowicz Gregorius (N) – Котович Григорий
Kowalchukowa (Jotkowna) Maria (NU) – Ковальчук (Йотко) Мария
Kowalewski (vel Kowalenko) Joannes (I) – Ковалевский (или Коваленко) Иоанн
Kozłowska Natalia (N) – Козловская Наталья
Kozłowski Augustinus (I) – Козловский Августин
Krukowski Petrus (I) – Круковский Пётр
Kudinow Alexis (K) – Кудинов Алексей
Kukel A[n]tonius (I) – Кукель Антоний
Kulbacka Angela (K) – Кульбацкая Ангела
Kulczyńska Anastasia (I) – Кульчинская Анастасия
Kuli Jacobus (K) – Кули Яков
Kulikowska Praskovia (K) – Куликовская Прасковья
Kumanowska Aleksandra (K) – Кумановская Александра
Lewkowicz Hieronimus (I) – Левкович Иероним
Lisiejew Joannes (K) – Лисеев Иоанн
Luksza Alexis (K) – Лукша Алексей
Luksza M[...] (K) – Лукша М.
Makarewicz Adalbertus (NU) – Макаревич Адальберт
Markiew[icz] Thomas (I) – Маркевич Томас
Markiewiczowa (Soroczyńska) Marja (NU) – Маркевич (Сорочинская) Мария
Markow Ignatius (NU) – Марков Игнатий
Matiaszow Joseph (I) – Матяш Иосиф
Matiaszow Michael (I) – Матяш Михаил
Matiaszowa (Błażewiczowna) Anna (I) – Матяш (Блажевич) Анна
Matyson [f]on Neuderf (K) – Матисон из Нойдорфа
Matyson Henricus (K) – Матисон Генрих
Matyson? Liudovica (K) – Матисон Людовика
Mendicki Felix (K) – Мендицкий Феликс
Michaylow Jacobus (N) – Михайлов Яков
Miedwiecki Lukas (N) – Медвецкий Лука
Mironow Antonius (N) – Миронов Антоний
Moor Jacobus (I) – Моор Яков
Natarenko Joannes (I) – Натаренко Иоанн
Nazarow Andreas (N) – Назаров Андрей

Nowicki Joannes (K) – Новицкий Иоанн
Osipowa (Brzostowska) Anastazia (NU) – Осипова (Бжостовская) Анастасия
Piohowiczowa Victoria (K) – Пиохович Виктория
Piotrowa Elisabetha (NU) – Пётрова или Петрова Елизавета
Plaskina Matrona (N) – Пляскина Матрёна
Popowa Matrona (N) – Попова Матрёна
Prochaczenko Demetrius (N) – Прохаченко Дмитрий
Protasowa Stephanida (I) – Протасова Степанида
Prowalski Stanislaw (N) – Провальский Станислав
Puszkin Stanislaus (I) – Пушкин Станислав
Rodziewiczowa Anastasia (NU) – Родзевич Анастасия
Rynkiewicz Michael (N) – Ринкевич Михаил
Sazonowna Maria (I) – Сазонова Мария
Sciepanow Basilius (K) – Степанов Василий
Shtullmiller Aloysius (I) – Штуллмиллер Алоиз
Shtullmillerowa Anna (I) – Штуллмиллер Анна
Sierebrowski Joannes (N) – Серебровский Иоанн
Skuratowa Thecla (T) – Скурат Текла
Solomoni (Boje de) Teresia (I) – Соломони (де Бож) Терезия
Solomoni Fridericus (I) – Соломони Фридрих
Solomoni Sophia (I) – Соломони София
Solomoni Vincentius (I) – Соломони Винцент
Sosnowski Joannes (NU) – Сосновский Иоанн
Szmińków (D[?]zermówna) Barbara (I) – Шминке (Д[о]зерм) Барбара
Szmińków Joannes (I) – Шминке Иоанн
Szminkówna Am[?] (I) – Шминке Ам[алия?]
Szminkówna Catharina (I) – Шминке Катерина
Szyliński Joseph (I) – Шилинский Иосиф
Theodorowa Teresia (N) – Теодорова или Федорова Терезия
Toloczkin Leo (N) – Толочкин или Толочко Лев
Tomkowid Joannes (K) – Томковид Иоанн
Tomowski Adamus (N) – Томовский Адам
Urbanowiczowna Marianna (NU) – Урбанович Марианна
Werland Joannes (N) – Верланд Иоанн
Wilczynski Nicolaus (WU) – Вильчинский Николай
Wiszniewski Jacobus (NU) – Вишневский Яков
Wiszniewski Theodorus (N) – Вишневский Теодор

Woitkiewicz Simon (I) – Войткевич Симон
Wysocki Thaddeus (I) – Высоцкий Фаддей
Zaleski Romanus (N) – Залеский Роман
Zawitowski Josephus (WU) – Завитовский Иосиф
Zaycow Joannes (N) – Зайков (или Зайцов) Иоанн
Zaycowna Maria (N) – Зайкова (Зайцова) Мария
Zaycowa (Połtawska) Francisca (N) – Зайкова (Полтавская) Франциска
Zdachlonek (Mi[?]na) Darja (N) – Здахлёнек Дарья
Zdachlonek Joannes (N) – Здахлёнек Иоанн
Zdachlonek Prokop (N) – Здахлёнек Прокоп
Zelmis Jeorgius (N) – Зельмис Юргис или Георгий
Ziemienko Saweli (NU) – Земенко Савелий
Zieniowna Anna (N) – Зень или Зенёва Анна
Żownierowicz Semion (NU) – Жовнерович Семён
Zu[?]bowna Anastasia (K) – Зу[?]б (или Зубова?) Анастасия

Приложение 2. Первая запись в регистрах Иркутской миссии: о благословении брака Василия Бублиса и Марцеллы Моравской в Тертеже. Апрель 1812 года.

Liber Metrices Copulatorum P.P. Societatis JESU Missionis Irkutensis ab anno 1812. 1-a Aprili comparatus

Annus Domini 1812. Aprilis.

Nomen et Cognomen: Basilius Kazimierzowicz Bublisow et Marcella Morawska.
Locus: Czertież Gubernii Tomscensis Districtus Krasnojarsk.
Die 23. Martii[28] Omissis, gravi de cause. Domnitiationibus nulloque legitimo impedimenti detecto: Ego Vincentius Łaszkiewicz Societatis JESU inter Basilium Kazimierzowicz Bublisow Juvenem et Marcellam Morawska Virginem, corumque mutuo consensu habito, per Verba de praesenti, Matrimonium Benedixi. Praesentibus Testibus: Josepho Frankiewicz et Joannae Nowicki.
(ГАИО, 1812, ф. 297. оп. 1. д. 1. л. 1.)

[28] Иезуиты впервые прибыли в Иркутск в конце марта 1812 г. (Masiarz, 2002, с. 128), а значит – этот первый брак был благословен на пути, возможно, в присутствии всей группы миссионеров. Кроме того, эта метрическая запись – свидетельство о достижении иезуитами станции Тертеж не позднее 23 марта 1812 г.

Приложение 3. Таблица данных из метрической книги миропомазанных Иркутской миссии за 1815–1819 годы.

Annus	Locus	Nomen	Cognomen	Sacerdos	Testes
19.01.1815	Słoboda Niżnieudinskaja, distr. Niżnie-Udinsk	Jacobus (in exilium missus)	Wiszniewski (juvenis)	Thaddaeus Maszewski	Nicolaus Kassianowicz (in exilium missus)
19.01.1815	Słoboda Niżnieudinskaja	Marianna (in exilium missa)	Urbanowiczowna (virgo)	Thaddaeus Maszewski	GD[29] Anastasia Rodziewiczowa,
01.01.1819	Pagus Ujany, distr. Irkutensis	Hieronimus (in exilium missus)	Lewkowicz (juvenis)	Vincentius Łaszkiewicz	Joannes Jabłoński (in exilium missus)
08.01.1819	Pagus Birulka[30], distr. Irkutensis	Stephanus (in exilium missus)	Dudowski	Vincentius Łaszkiewicz	Thomas Markiew[icz] (in exilium missus)
08.01.1819	Birulka	Thaddeus (in exilium missus)	Bałbucki (conjugatus)	Vincentius Łaszkiewicz	A[n]tonius Kukel (in exilium missus)
08.01.1819	Birulka	Augustinus (in exilium missus)	Kozłowski (conjugatus)	Vincentius Łaszkiewicz	Michael Gołembiejew[ski] (in exilium missus)
08.01.1819	Birulka	Laurentius (in exilium missus)	Kiarszys[31] (conjugatus)	Vincentius Łaszkiewicz	Joannes Jabłoński (in exilium missus)
08.01.1819	Birulka	Petrus (in exilium missus)	Krukowski (status liberi)	Vincentius Łaszkiewicz	Stanislaus Puszkin (in exilium missus)

(ГАИО, год 1815–1819, ф. 297. оп. 1. д. 2. л. 1–2.)

[29] GD – Generosa Domina (Generosus Dominus) – указание на дворянское сословие.

[30] Село с близким названием (Бирюлька) находится на р. Лена.

[31] Вероятно, это литовская фамилия Keršys или Keršis, означающая: 1. пестрый, пегий или 2. делающий всё по-своему, «поперечный».

Приложение 4. Таблица данных из метрической книги крещенных Иркутской миссии за 1812–1818 годы.

Annus	Locus	Nomen et cognomen	Parentes	Sacerdos	Patrini
01.08.1812	Tyrhituy	Maria Zaycowna	Joannes Zaycow & Francisca dd[32]. Połtawska	Thaddaeus Maszewski	Joannes Ciebotkin, Anna Zieniowna
11.08.1812	Ulatuy	Anna Janowiczowna	Thomas Janowicz & Helena	Thaddaeus Maszewski	Andreas Nazarow, Kulina Kiszelowa
25.09.1813	Kaczuga[33], distr. Irkutensis	Thecla Klimowiczowna	Charlantius Klimowiczow & Stephanida Protasowa	Basilius Orłow, orthodoxus	Stanislaus Klimowicz, Maria Sazonowna
17.12.1813	Bolszoy Ingaż, distr. Niżnie-Udinsk	Elisabetha Hryhorowna (Illegitima)	Michael Hryhorow & Gratiana Michaylowa	Marcellus Kamieński	Daniel Klimowicz, Elisabetha Piotrowa
27.02.1814	Tiertież, distr. Krasnojarsk	Josephus Bublisow	Basilius Bublisow & Marianna Morawska	Marcellus Kamieński	Joannes Lisiejew, Praskovia Kulikowska
24.06.1815	Balzyńskaja[34], distr. Nerczynsk	Joannes Zdachlonek	Prokop Zdachlonek & Darja Mi[?]na	Vincentius Łaszkiewicz	Jacobus Bielajew, Matrona Popowa
09.09.1815	Irkutsk, urbs	Michael Matiaszow	Joseph Matiaszow & Anna dd. Błażewicz	Vincentius Łaszkiewicz	Terentius Konstantinow, Teresia dd. Błażewicz
13.03.1816	Irkutsk, urbs	Catharina Szminkówna	Joannes Szminków & Barbara D[?] zermówna	Thaddaeus Maszewski	GD Jacobus Moor, Am[?] Szminkówna
10.04.1818	Irkutsk, urbs	Sophia Solomoni	GD Vincentius Solomoni & GD Theresia de Boje	Vincentius Łaszkiewicz	Thaddaeus Maszewski SJ, GD Gabriela Charkiewiczowa
10.04.1818	Irkutsk, urbs	Fridericus Solomoni	GD Vincentius Solomoni & GD Theresia de Boje	Vincentius Łaszkiewicz	Thaddaeus Maszewski SJ, GD Gabriela Charkiewiczowa

(ГАИО, год 1812–1818, ф. 297. оп. 1. д. 2. л. 5–8.)

[32] dd. – de domo – девичья фамилия.
[33] Сегодняшний Качуг?
[34] Сегодняшнее Бальзино?

Коллективный портрет сибирских католиков начала XIX века на основе данных метрических книг Иркутской миссии иезуитов

Резюме

Данная статья – попытка реконструировать коллективный портрет католиков Сибири 1812–1820 годов с помощью данных церковных регистров, систематизированных по ряду категорий: месту жительства, статусу, полу, возрасту, виду деятельности. Синтез полученных результатов позволяет утверждать, что сообщество сибирских католиков начала XIX века состояло из рассеянных по огромной территории ссыльных, военнослужащих, рабочих, крестьян, а также некоторых предпринимателей, чиновников, специалистов. В нем было небольшое количество полных семей, преобладали одинокие мужчины. Среди католиков Сибири были представители всех сословий, от разночинцев и крестьян до духовенства и аристократов. Судя по антропонимам (славянским, балтским, германским, романским), приход мог быть многонациональным, но большинство прихожан происходило из Речи Посполитой. На территории прихода-миссии были две крупные католические общины: в Иркутске и в Тертеже Красноярского уезда.

Ключевые слова: католики Сибири; начало XIX века; Иркутск; миссия иезуитов; метрические книги; Речь Посполитая

A Collective Portrait of Siberian Catholics of the Early Nineteenth Century on the Basis of Data from the Registers of the Jesuit Mission in Irkutsk

Abstract

This article is an attempt to reconstruct a collective portrait of Catholics in Siberia in 1812–1820 using data from church registers, systematised according to several categories: place of residence, status, gender, age, and type of activity. The analysis of the results obtained makes it possible to conclude that the community of Siberian Catholics of the early nineteenth century consisted of exiles, military personnel, workers, peasants as well as some entrepreneurs, officials and specialists scattered over a vast territory. It had only a small number of full families, and single men predominated. Among the Catholics of Siberia there were representatives of all classes, from *raznochintsy* (or "people of various ranks") and peasants to members of the clergy and

aristocrats. Judging by the anthroponyms (Slavic, Baltic, Germanic, and Romance), the parish could have been rather multinational, but most of the parishioners came from the Polish-Lithuanian Commonwealth. There were two large Catholic communities in the territory of the parish/mission: in the city of Irkutsk and in Tertezh, Krasnoyarsk district.

Keywords: Catholics in Siberia; early 19th century; Irkutsk; Jesuit mission; parish registers; Polish-Lithuanian Commonwealth

Portret zbiorowy syberyjskich katolików początku XIX wieku na podstawie danych z ksiąg metrykalnych irkuckiej misji jezuickiej

Streszczenie

Niniejszy artykuł jest próbą rekonstrukcji zbiorowego portretu syberyjskich katolików w latach 1812–1820 przy użyciu danych z rejestrów kościelnych usystematyzowanych według kilku kategorii: miejsca zamieszkania, statusu, płci, wieku i rodzaju działalności. Analiza wyników pozwala na stwierdzenie, że społeczność syberyjskich katolików na początku XIX wieku składała się z zesłańców, wojskowych, robotników, chłopów, a także przedsiębiorców, urzędników i specjalistów rozproszonych na rozległym terytorium. Występowało niewiele pełnych rodzin, przeważali samotni mężczyźni. Wśród katolików na Syberii byli przedstawiciele wszystkich klas, od raznoczyńców i chłopstwa po duchowieństwo i arystokrację. Sądząc po antroponimach (słowiańskich, bałtyckich, germańskich, romańskich), parafia mogła być wielonarodowa, ale większość parafian pochodziła z Rzeczpospolitej Obojga Narodów. Na terenie parafii misyjnej znajdowały się dwie duże wspólnoty katolickie: w Irkucku i Terteżu w obwodzie krasnojarskim.

Słowa kluczowe: katolicy na Syberii; początek XIX wieku; Irkuck; misja jezuicka; księgi metrykalne; Rzeczpospolita Obojga Narodów

Dr Viktor Bilotas, Researcher at the Centre for the History of the Lithuanian Catholic Church, Vytautas Magnus University, Kaunas; PhD – 2022, Vytautas Magnus University; author of over twenty scholarly articles. He has conducted research in Lithuanian and Siberian archives; his scholarly interests include history of the Catholic Church in Siberia and history of Lithuanians in Siberia.

Bibliography (selected): Миссия иезуитов в Сибири в период правления Н. Хрущева [Jesuits' mission in Siberia during the period of N. Khrushchev's rule], *Soter* 55(83), Kaunas 2015, 27–37; Католики Южной Сибири и Центральной Азии: места проживания и численность согласно церковным регистрам второй половины XIX в. [Catholics of Southern Siberia and Central Asia: Places of residence and numbers according to church registers from the second half of the nineteenth century], *Народы и религии Евразии* 9, Барнаул (Barnaul) 2016, 182–192; Su Lietuva susijęs 1773–1923 m. dokumentinis paveldas Sibiro archyvuose [Documentary heritage of 1773–1923 of Siberian archives with significance to Lithuania], *Knygotyra* 79, Vilnius 2022, 250–269; (with K. Žemaitis), Католики из Литвы в Сибири: источники, историография и перспективы исследований [Catholics from Lithuania in Siberia: Sources, historiography and research perspectives], *Soter* 82(110), Kaunas 2022, 61–73.

Correspondence: Viktor Bilotas, Faculty of Catholic Theology, Vytautas Magnus University, Kaunas, Lithuania, e-mail: viktor.bilotas@vdu.lt

Support of the work: The study was conducted at the author's own expense.

Competing interests: The author states that there is no conflict of interest to disclose .

Publication history: Received: 2025-02-25; Accepted: 2025-06-24; Published: 2025-12-31